

УДК 93/94

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-13-34

РОККИ Тони
Справочная библиотека Торонто
г. Торонто, Канада
tony.rocchi@gmail.com

Tony ROCCHI
Toronto Reference Library
Toronto, Canada
tony.rocchi@gmail.com

**РЕВОЛЮЦИЯ СПРАВА: РОССИЙСКОЕ
ЧЕРНОСОТЕНСТВО И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ
ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИХ КРАЙНЕ ПРАВЫХ
ПАРТИЙ И ДВИЖЕНИЙ**

Часть II-II. Черносотенное понятие русскости в общеевропейском контексте истории национализма и консолидации наций. Французская революция и рождение политической нации и политической эсхатологии

Черносотенное понятие русскости было составной частью общеевропейского процесса консолидации этнических и политических наций на фоне конкурирующих представлений идентичности индивидов, групп и обществ. Данная статья исследует начало этого грандиозного процесса в годы Французской революции. Французские революционеры, впервые на крупном примере в Европе, занимались определением нации и начали процесс установления норм к включению индивидов в нацию и исключению из нее. В эти бурные годы складывалась концепция французскости в политическом смысле. Можно заметить значительные элементы преемственности между пониманием французских революционеров французскости и черносотенным понятием русскости. Что сближало концепции французскости и русскости? Это были политические категории нации, установление норм *правильного* политического поведения, критерии к исключению индивидов и целых социальных групп из рядов нации, использование эсхатологических мотивов демонизации внешних и особенно внутренних врагов страны и народа. Однако были и различия между французскими революционерами и черносотенцами. Черносотенцы признавали языковые права «дружественных народов» в России, несмотря на черносотенную поддержку русификации. Французские революционеры приняли серьезные меры к уничтожению местных диалектов французского языка и языков этнических меньшинств во имя разгрома очагов духа «аристократизма» и контрреволюции.

Ключевые слова: черносотенство, Союз русского народа, Русское собрание, русский национализм, русскость, русификация, крайне правые движения, монархические движения, популистские движения, национализм, этничность, нация, народность, французскость, Французская революция, якобинство, идентичности, самоидентификация, политическая эсхатология

**REVOLUTION FROM THE RIGHT: THE RUSSIAN
BLACK HUNDREDS MOVEMENT AND ITS PLACE
IN THE HISTORY OF EUROPEAN FAR RIGHT
PARTIES AND MOVEMENTS**

Part II-II: the Black Hundred understanding of Russianness in the general European context of the history of nationalism and the consolidation of nations. The French Revolution and the birth of the political nation and political eschatology

The Black Hundred understanding of Russianness was an integral part of the general European process of the consolidation of both ethnic and political nations against the background of competing understandings of the identity of individuals, groups, and societies. This article investigates the beginning of this grandiose process in the years of the French Revolution. For the first time on a mass scale in Europe, the French revolutionaries formulated the definition of the nation and began the establishment of norms for inclusion of people in the nation and exclusion of people from it. In these stormy years, the concept of Frenchness in the political sense took shape. One can detect large elements of continuity between the French revolutionaries' concept of Frenchness and the Black Hundreds' understanding of Russianness. What made the concepts of Frenchness and Russianness similar was the political definition of the nation, the establishment of norms of *correct* political behavior and criteria for the exclusion of individuals and entire categories of people from the nation and the usage of eschatological themes of the demonization of external and, especially, internal enemies of the country and people. However, there were differences between the French revolutionaries and the Black Hundreds. The Black Hundreds recognized the language rights of "the friendly peoples" in Russia despite Black Hundred support of Russification. The French revolutionaries undertook massive measures for the wiping out of local dialects of the French language and languages of ethnic minorities in the name of smashing the hotbeds of the spirit of "aristocracy" and the counter-revolution.

Keywords: Black Hundreds, Union of Russian People, Russian Assembly, Russian nationalism, Russianness, Russification, far-right movements, monarchist movements, populist movements, nationalism, ethnicity, nation, nationality, Frenchness, French Revolution, Jacobins, identities, self-identification, political eschatology

Данная статья исследует элементы преемственности между французскими революционерами и черносотенцами в концепции политической нации. При использовании сравнительного подхода можно заметить сходства и различия между понятиями французскости и русскости. Конечно, концепции французскости и русскости возникли в конкретных исторических условиях во Франции и Российской империи. Однако обе концеп-

ции национальной идентичности были составными частями общеевропейского процесса консолидации этнических и политических наций на фоне конкурирующих представлений идентичности индивидов, групп и обществ. Этот процесс в Европе включал в себя следующие компоненты: определение нации; установление критериев к членству в нации, норм *правильного* политического поведения для членов нации, критерий к исключению индивидов и целых категорий людей из рядов нации. Ведь, по представлениям представителей политических движений по всему спектру, антинациональные мнения и действия имели последствия в виде исключения из рядов нации или даже из человеческого сообщества. Неудивительно, что, начиная с Французской революции, представители политических движений использовали политические эсхатологические мотивы демонизации внешних и особенно внутренних врагов государства и народа.

Данная научная статья исследует различия в языковой политике французских революционеров и черносотенцев. Хотя черносотенцы поддерживали правительственную политику русификации и выступали за первенство русских в национальной жизни, они тоже признавали языковые права «дружественных народов». В этой связи не следует делать вывод о великодушии черносотенцев. Как сторонники самодержавия, они не могли выступать против Основных Законов Российской империи, допускающих использование местных языков при определенных условиях. Напротив, французские революционеры, особенно якобинцы в 1793-1794 гг., приняли серьезные меры к уничтожению местных диалектов французского языка и языков этнических меньшинств во имя разгрома очагов духа «аристократизма» и контрреволюции. Установление моноязычия, по мнению революционеров, было необходимо, чтобы лишить контрреволюционеров собственной питательной среды и массовых баз поддержки. Обязательное использование французского языка, по революционному варианту, должно приводить к консолидации нации против внешних и внутренних врагов и к укреплению гражданской ответственности и правосознания. Итак, «лингвистический террор» якобинцев был составной частью их политики по разгрому всей оппозиции.

Французскость и русскость являются концепциями национальной идентичности и ценностей, они имеют варианты по всему политическому спектру. Русскость является совокупностью национальных характерных особенностей, которые определяют русских в качестве русских и отличают русских от других народов. Через русскость, по мнениям черносотенцев, русские должны составлять сплоченное, самоопределяющееся (самоидентифицирующееся) сообщество, единое в приверженности к триединой формуле «Православие, Самодержавие, Народность». Это сообщество, по своей природе, должно быть всеобщим, многонациональным, многоязычным и поликонфессиональным и дать членам русской нации (народности - по представлениям черносотенцев) возможность избежать конфликтов, разрывающих европейские страны по этническим, религиозным, политическим и социальным направлениям. Русскость, по представлениям черносотенцев, приводит к установлению живого, органического и соборного общества в противовес разобщенной совокупности отдельных лиц, присущей европейским странам, особенно в эпоху революционного брожения.

В широком спектре русского национализма черносотенное понятие русскости занимает свое особенное место. Русскость для черносотенцев имела главным образом политическую и неэтническую суть. Некоторые историки, особенно М.Л. Размолодин, заметили, что черносотенное определение «истинно-русского» означало не этническую, а скорее политическую принадлежность - приверженность к триединой формуле «Православие, Самодержавие, Народность». Размолодин пишет: «В отличие от понимания национальности как определенного типа человеческой общности по единству этнического происхождения и территории проживания черносотенцы вкладывали в этот термин религиозно-политическое и культурное содержание». Также обычно черносотенцы заменяли слова «нация» и «национальность» словом «народность», потому что выражения «нация» и «национальность» были европейскими расово-биологическими концепциями, а категория «народность» делала акцент на духовно-культурных ценностях русского народа [1].

По аналогии с вышеописанным умозаключением, французскость является совокупностью национальных характерных особенностей, которые определяют французов в качестве французов и отличают французов от других народов. Через французскость, по мнению французских революционеров, французы должны составлять сплоченное, самоопределяющееся (самоидентифицирующееся) сообщество, единое в приверженности к триединой формуле «Свобода, Равенство, Братство» - основным идеалам 1789 года - и во враждебности к невежеству, корпоративным привилегиям и духу «аристократизма». Аристократизм - желание сохранить устаревшие корпоративные привилегии и тормозить ход революции. По оценкам революционеров, раздробленность народа по политическим, сословным, корпоративным, этническим, религиозным, языковым, региональным, гендерным, возрастным и другим направлениям была присуща тирании и феодализму, зиждилась на невежестве и являлась главным препятствием к построению свободной нации, основанной на разуме, гражданской ответственности и правосознании. Заметим, что ценности 1789 года - свобода, равенство и братство - находятся в постоянной эволюции определения и применения рядом с другими основными ценностями французской гражданской нации. Например, до XX в. Франция считалась «самой старшей дочерью» Католической церкви. Правительство и общество теперь проводят строгую политику секуляризации всех сфер национальной жизни. Французские граждане должны быть лояльными государству и обществу, а не религиозной общине и другим отдельным группам [2]. Лояльность к отдельной социальной группе противоречит принципам 1789 года и напоминает желание сохранять корпоративные привилегии.

Заметим, что противники французских революционеров тоже разрабатывали в этот период свои представления о французской нации, членстве в нации, нормах *правильного* политического поведения и критериях к исключению из рядов нации. Споры и дебаты о нации и французскости продолжаются до сегодняшних дней. Неудивительно, что каждые французские президентские и парламентские выборы - своеобразные референдумы о французской революции и ее ценностях. Можно предполагать, что самый главный вопрос, возникающий перед французскими избирателями, таков: «За какую Францию мы голосуем?» [3].

Тут мы имеем дело с сильными традициями исторического мифотворчества, влияющими на понимание самых болезненных периодов французской истории. Каждая нация имеет свои основополагающие мифы в истории консолидации нации [4]. Во Франции два главных основополагающих мифа: Французская революция и нацистская оккупация во время Второй мировой войны. Каждое идеологическое течение определяет свою роль в истории консолидации нации и часто создает демонические образы своих противников в этом процессе. Мы имеем дело с исторической эсхатологией, и Французская революция породила эту интерпретацию истории. Эти образы часто возникают в современные кризисные моменты, например при выборах. При каждом антисемитском, антимуслиманском и антимигрантском выступлении представителей Народного Фронта и других крайне правых партий и движений в современной Франции нетрудно вызвать, особенно в средствах массовой информации, страшный призрак «этой другой Франции». Это Франция ненавистников Французской революции, преследователей еврейского офицера Альфреда Дрейфуса, несправедливо осужденного за шпионаж в пользу Германии, коллаборационистов с нацистскими оккупантами во время Второй мировой войны, главы марионеточного правительства в Виши Маршала Генри Пэтэна, заменявшего лозунг «Свобода, Равенство, Братство» другим - «Труд, Семья, Отечество», активных французских участников в еврейском Холокосте [5]. Противникам крайне правых нетрудно вызывать свои светлые образы. Например, светлые образы революции и войны - взятие Бастилии, провозглашение Декларации прав человека и гражданина, сочинение Марсельезы, герои антинацистского сопротивления - контрастируют с темными образами фанатичных роялистов и предательских коллаборационистов. Итак, призрак «этой другой Франции» еще имеет силу, несмотря на упрощение сложных событий.

Конечно, самый болезненный вопрос в истории Французской революции - это якобинский террор 1793-1794 гг. Конечно, вопрос о терроре тесно связан с вопросами о кон-

солидации французской политической нации. Историки еще задают вопрос: был ли террор aberrацией или закономерностью? В основополагающем мифе о создании современной французской нации ужасы террора сильно контрастируют со светлыми образами о взятии Бастилии, провозглашении Декларации о правах человека и гражданина, всеобщем примирении бывших врагов, имевшем место в Фестивале федерации 14 июля 1790 г. Очень часто в монографиях о революции историки следуют узкой периодизации террора. Царство террора началось с казни короля Людовика XVI (21 января 1793 г.) и кончилось с низвержением Максимилиана Робеспьера и других якобинцев (27 июля 1794 г. [9 термидора по революционному календарю]). Однако эта узкая периодизация исключает возможность проследить предпосылки террора и частые вооруженные противостояния между сторонниками и противниками революции в «мирный период» революции между взятием Бастилии и свержением монархии в августе 1792 г. и продолжение террора после свержения якобинцев и вплоть до коронования Наполеона Бонапарта императором в 1804 г.

Также некоторые исследователи объясняют террор результатом «перехватывания» революции якобинскими экстремистами и утверждают, что террор был изменой по отношению к великим идеалам эпохи Просвещения и Революции. Например, американский специалист по эпохе Просвещения Джонатан Исраэль обвинял М. Робеспьера и других якобинцев в демагогическом использовании сентиментальности «обыкновенного человека», единства, шовинизма и антиинтеллектуализма, чтобы уничтожить оппонентов и строить диктатуру. Такой менталитет легко привлекал поддержку самых плебейских и неграмотных элементов, которые тоже часто поддерживали ультрароялизм «контрпросвещения». По мнению Дж. Исраэля, якобинский популизм был ранним вариантом современного фашизма [6]. Однако заметим, что сторонники Просвещения и руководители раннего этапа Французской революции часто считали все аргументы своих оппонентов результатом невежества, фанатизма, предрассудков и суеверия, и, следовательно, недостойными внимания.

Израильский исследователь Яков Тальмон пошел дальше и предположил, что сторонники Просвещения и французские революционеры были предшественниками фашизма и коммунизма [7]. Конечно, фашизм, национал-социализм, коммунизм и другие тоталитарные идеологии имели долгие исторические предпосылки, но нельзя переписать историю заново, чтобы доказать, что Французская революция была родоначальником всех ужасов XX века. Эти идеологии возникали в конкретных исторических условиях XX столетия.

Рассмотрим общие контуры возникновения и развития концепции нации во Французской революции. В политическом смысле вопрос о нации, прежде всего, является вопросом об источнике власти в данном государстве. По представлениям французских и других европейских революционеров, как и сторонников перемен эпохи европейских и других революций между 1770 и 1871 гг. (эпоха классических революций завершилась падением Парижской коммуны в 1871 г.), нация - совокупность граждан в государстве и источник власти. В третьей статье Декларации прав человека и гражданина, принятой французским Законодательным Собранием 26 августа 1789 года, говорилось: «Начало всякого суверенитета заключается, по существу, в нации. Никакое лицо, ни совокупность лиц не может осуществлять власти, которая бы не проистекала, положительным образом, от нации» [8].

Революционность такой концепции не подлежит сомнению. Обычными формами правления везде в Европе были монархии: от конституционной до абсолютистской. Существовали также олигархические республики. Оправданием монархического правления была концепция божественного права монархов. Концепция божественного права утверждала, что короли, императоры и цари получили свою власть от Бога. Именно Бог дал правителям власть, и только Бог мог отобрать эту власть у правителей. Сотрудничали с монархами в правлении государством разные корпоративные институты. Все эти законодательные институты были замкнутыми организациями потомственных элит. В самодержавной России не было места для корпоративных институтов, участвующих в прав-

лении империи. Сословия и разные корпоративные институты получали свои права и привилегии от монарха. Монархи получали свою власть от Бога, и это значит, что общественно-политический строй был освященным ореолом божественного права. Сторонники перемен выступали за расширение непривилегированных слоев в правлении государством и часто провозглашали, что нация является источником власти. Провозглашать, что нация является источником власти, значило снятие ареола божественности с монархов и разрушение освященного строя.

Революционная концепция о нации как источнике власти имела свои последствия даже для России, и не только для либералов и социалистов. Заметим, что черносотенное утверждение о несовместности русской народности с европейскими концепциями нации и национальности необоснованно. Предполагается, что черносотенцы сознательно или бессознательно игнорировали революционную опасность трактовки народности. Компонент народности в триединой формуле всегда был самой главной причиной раздоров среди русских националистов и конфликтов между самодержавием и своими самыми лояльными сторонниками. Триединая формула никогда не была возвышена самодержавием до уровня государственной идеологии. Во-первых, можно было легко трактовать компоненты православия, самодержавия и народности в качестве компонентов одинакового значения и равных источников власти. Во-вторых, триединая формула могла стать угрозой стабильности многонациональной и поликонфессиональной империи. Для правительства лояльность к самодержавию была достаточна. Самодержавие не хотело возможных конкурентов за власть из рядов Русской православной церкви и русских националистов. Конечно, черносотенное представление о народности возникло в конкретных российских исторических условиях, но, чтобы вполне понимать его сущность, необходимо изучать русское явление народности в самом широком общеевропейском контексте.

Также необходимо изучать возникновение и развитие французской революционной концепции о нации на фоне общеевропейских и мировых революций, чтобы определить элементы уникальности во Французской революции. Требования французских революционеров о переменах в правлении государства и расширении прав непривилегированных слоев в правлении были составной частью революционного брожения во многих европейских странах и в Америке. Отчасти это брожение развивалось под влиянием идей Просвещения, однако заметим, что эти идеи нашли питательную среду в разных странах в сочетании с конкретными политическими и общественными факторами. Некоторые исследователи принялись за детальный сравнительный анализ универсализма требований во многих странах к переменам в последних десятилетиях XVIII в. Американский историк Роберт Палмер и французский историк Жак Годешо изучали революции в Европе и Америке от 1760 до 1800 г. и пришли к выводу, что эти события имели так много сходств, что можно говорить о «веке демократической революции» или об «атлантической революции» (революции имели место в Европе и Америке, в том числе Американская революция, или Война за независимость). Концепция Палмера и Годешо о всеобщей волне революций в конце XVIII в. получила название «тезис Палмера-Годешо». Лейтмотивом революций, по мнению Палмера и Годешо, стали требования за перемены в правлении государства, расширение прав непривилегированных слоев в правлении и сокращение или упразднение власти замкнутых корпоративных институтов [9]. Заметим, что сравнительный подход к изучению революций дает нам возможность изучать историю антиреволюционных и контрреволюционных движений в самом широком контексте.

Для Палмера и Годешо революции конца XVIII в. были демократическими, но не в современном понимании демократии. Сторонники перемен не выступали за всеобщее избирательное право. Господство толпы (охлократия) являлось, по мнению реформаторов, не менее опасным, чем диктатура абсолютистской монархии и привилегированных корпораций. Эти революции начались как движения с требованиями более широкого участия представителей общества в правлении страны, особенно в законодательных институтах. Неудивительно, что тезис Палмера-Годешо подвергался резкой критике по разным направлениям. Палмер и Годешо обвинялись многими французскими историками в умалении значения Французской революции; западными марксистскими и советскими

историками - за игнорирование классовой борьбы в контексте перехода от феодализма к капитализму и зарождении социалистических идей и движений (особенно Заговора равных под руководством Гракха Бабефа в 1796 г.); многими современными историками - за игнорирование роли в революциях женщин, народных масс, этнических и расовых меньшинств, представителей народов Латинской Америки, Карибских остров, Африки и Азии. Однако, как заметил австралийский историк Питер Мэкфи, Французская революция была самой радикальной в волне мировых революций. Во Франции вполне ликвидировался феодализм, и французские революционеры предприняли крупные шаги к установлению всеобщего мужского избирательного права и отделению церкви от государства. Самое главное - французы мобилизовали свои ресурсы и нанесли сокрушительный удар коалиции европейских монархий [10].

Сторонники перемен часто были представителями средних слоев, но называть эти революции «буржуазными» как нужный этап в развитии капитализма было бы не только упрощенно, но и антиисторично. Можно даже сомневаться в существовании буржуазии как класса с полным классовым сознанием в этот период, особенно на раннем этапе индустриальной революции. Конечно, советские историки всегда называли Французскую революцию «Великой французской буржуазной революцией» в противовес Великой Октябрьской социалистической революции. Они признали, что Французская революция была более радикальной, чем все другие буржуазные и буржуазно-демократические революции между 1770 и 1850 гг. Конечно, они согласились с тем, что лозунг «Свобода, равенство и братство», провозглашенный буржуазными революционерами, мог стать достижением рабочего народа только в социалистической революции.

Определение Французской революции буржуазной является актом мифотворчества. Французская революция началась как восстание дворянского сословия против централизации и ограничений привилегий. Заметим, что французские дворяне уже часто провозглашали, что они защитники права нации против королевского посягательства на корпоративные права и «министерского деспотизма». Это поведение было вполне закономерным, потому что дворянство было руководящим и/или единственным политическим классом во всех европейских странах. Заметим, что польские и венгерские дворяне называли себя «польской нацией» и «венгерской нацией».

Чтобы оправдать перемены в политической жизни, сторонники перемен, особенно во Франции, пришли к выводу о том, что об источнике власти надо мыслить иначе. Появилось новое революционное понимание источника власти: нация - совокупность граждан в государстве. Только представители нации в законодательном институте могут управлять государством от имени народа. Сразу возник спорный вопрос: что такое нация и кто может стать ее членом? Движения за перемены превратились в революции, когда они встретили сопротивление монархов и корпоративных институтов. Революции стали возможными, когда формально или неформально организовалась коалиция всех недовольных элементов в стране. Во Франции многие представители дворянства и духовенства участвовали в революции, особенно на ранних этапах, и народные массы поддерживали движения за перемены. Однако, когда бывшие исключенные из власти стали новыми правителями, другие исключенные элементы - особенно народные массы в лице крестьянства, женщин, молодежи и религиозных, этнических и расовых меньшинств - требовали для себя место в нации. Из всех европейских революций в конце XVIII в. разногласия и столкновения об определении нации, членстве в нации и установлении норм о политическом поведении проявлялись в самой острой форме во Франции на протяжении всего революционного периода и разжигали вооруженные и невооруженные гражданские войны между разными слоями населения и внутри них. Также конфликты вокруг нации имели долгую предысторию до взятия Бастилии 14 июля 1789 г.

Формулировка концепции нации в качестве совокупности граждан в государстве и источника власти имела место в 1787-1789 гг., когда правительство и представители политических классов искали решения финансового кризиса. Король Людовик XVI решил созывать старинное законодательное собрание (Генеральные Штаты) с разделением собрания на три сословия (с отдельным голосованием по сословиям). Решения о созыве Ге-

неральных Штатов и порядке представительства и голосования разжигали острые дебаты между сторонниками и противниками перемен системы правления. Особенный накал дебатов проявился на выборах в Генеральные Штаты весной 1789 г. по вопросу о представительстве третьего сословия и его права участия в собрании (первое сословие - духовенство, второе - дворянство, третье - средние слои и народные массы).

Все чаще в предвыборной «войне памфлетов» сторонники расширения участия третьего сословия в правлении государства и сокращения или упразднения корпоративных привилегий настаивали на том, чтобы они лучше представляли интересы Отечества (*la patrie*) и нации (*la nation*), чем привилегированные слои. Сторонники перемен называли себя патриотами и клеймили своих оппонентов аристократами. Вызывает интерес суждение священника Эммануэл-Жозефа Сийеса, выраженное в памфлете «Что такое Третье Сословие?»: «Третье сословие содержит все, что касается нации. Никто не принадлежащий к третьему сословию не может считаться частью нации. Что такое третье Сословие? Все!» [11].

Также заметим, что сторонники перемен не провозглашали идею классовой борьбы между дворянством и третьим сословием. Аристократизм, по их мнению, был проявлением менталитета враждебности к интересам нации. По представлениям «патриотов», «аристократы» выступали за сохранение устаревших и изживших себя привилегий. Очевидно, что не может быть и речи о классовой борьбе в буржуазной революции, потому что многие дворяне и священники идентифицировали себя с нацией как совокупностью граждан и источником власти. Это была, скорее всего, война мировоззрений. Нация, по мнению сторонников перемен, представляла собой все прогрессивное и разумное. Наоборот же, аристократизм представлял собой несправедливость и был способен обманывать людей всех слоев, пребывавших в плену невежества. Однако уже перед взятием Бастилии аббат Сийес и другие сторонники перемен сознательно исключили из рядов нации целые категории людей и сделали крупные шаги к установлению норм правильного политического поведения для членов нации. Это явление, в целом, неудивительно, потому что интолерантность к инакомыслящим уже имела предысторию во Франции в эпоху Просвещения. В дореволюционной Франции существовала широкая сеть кружков самообразования и чтения, обществ дум (*societies de pensee*), частных библиотек, масонских лож и политических салонов. Эта сеть не была организованным революционным подпольем, несмотря на утверждения конспирологов. В данном случае имели место неформальные группы, где мужчины и женщины из разных сословий могли собираться и дискутировать о передовых идеях Просвещения. Противники этих идей имели свои неформальные группы и солидаристские коалиции.

Французский историк Огюстен Кошен, убитый в Первой мировой войне, констатировал, что идеологические предпосылки террора Французской революции родились в этих неформальных группах из-за интолерантности сторонников Просвещения к инакомыслию. О. Кошен заметил, что между 1765 и 1780 гг. режим «сухого террора» царствовал в этих кружках и предшествовал кровавому террору 1793-1794 гг. Критики передовых идей подвергались оскорблениям, очернению репутаций, остракизму. Философ Жан-Батист Даламбер и его знаменитая Энциклопедия, по словам О. Кошена, стали предшественниками М. Робеспьера и Комитета общественной безопасности. Другие сторонники идей Просвещения обвиняли оппонентов в невежестве и заключали, что их размышления не стоили внимания [12]. Заметим, что обвинения О. Кошена об интолерантности сторонников Просвещения предшествовали обвинениям авторов сборника «Вехи» против русской интеллигенции после революции 1905 года [13].

Итак, клеймо невежества стало основным оправданием революционеров для осуждения взглядов оппонентов. Напомним, что преамбула к Декларации прав человека и гражданина провозгласила следующее: «Невежество, пренебрежение или презрение к правам человека - это единственная причина общественных бедствий и коррупции правительств» [14].

Это значило, что все атрибуты прежнего государственного и общественного строя были недостойными сохранения, потому что были основаны на невежестве. Спешили ре-

волюционеры строить новую нацию через упразднение всех традиций. Процесс революционной перестройки начался со снятия ореола божественности с монархии. Перед взятием Бастилии Людовик XVI именовался «Королем Франции». Депутаты Национального собрания после взятия Бастилии принудили Людовика изменить свой титул на «Король французов» [15]. Депутаты Национального собрания в попытке прекратить волну крестьянских волнений спешили стереть все старые преграды между разными слоями общества. Ночью 4 августа 1789 г. депутаты отменили все сословные, региональные и другие привилегии. Итак, французы стали гражданами в обновленной родине [16]. В период революции между взятием Бастилии и утверждением конституции 3 сентября 1791 г. шла грандиозная ломка всех традиционных институтов. Первая конституция в преамбуле провозгласила: «Национальная Ассамблея <...> отменяет бесповоротно институты, которые были вредными к свободе и равноправию» [17]. Таким образом, собрание утверждало, что все атрибуты старого строя были вредны нации и не основаны на принципах свободы, равенства и братства. Конституция 1791 года не ознаменовала завершение построения нации и конец революции. Скорее всего, конституция была вехой в дроблении новой нации на враждующие группировки, и патриоты не упускали возможности провозглашать свое понятие французскости единственно верным понятием о нации и заклеить своих противников врагами нации и приверженцами аристократизма и невежества. Это значило, что все атрибуты прежнего государственного и общественного строя были недостойными сохранения, потому что были основаны на невежестве. В этих годах складывалась концепция французскости в революционном понимании. Называть период между взятием Бастилии в июле 1789 г. и свержением монархии в августе 1792 г. «мирным периодом революции и эпохой всеобщего примирения» абсурдно. В эти годы были насильственные и ненасильственные столкновения между разными слоями, например между крестьянами и помещиками, католиками и протестантами. Кризис власти после взятия Бастилии породил многовластие со многими конкурирующими фракциями и блоками. Общество разделилось по политическим, социальным (сословным-классовым), религиозным, этническим и языковым, региональным, гендерным и другим направлениям. Закон о гражданском устройстве духовенства в 1790 г. вызвал раскол в Католической церкви. Многие священники приняли обет лояльности конституции, но многие другие отказались, особенно, когда Папа Римский осудил ее. Верующие, особенно в западных регионах, и многие женщины во всей Франции бойкотировали священников, принявших обет лояльности. (Широкая женская оппозиция к церковной реформе имела долгосрочные последствия. Только в 1944 г. женщины получили избирательные права за признание их участия в антинацистском сопротивлении. На протяжении десятилетий французские либералы и левые отказывали женщинам в избирательном праве из-за страха церковного влияния на политические взгляды женщин). Церковный кризис вызвал оппозицию к правительству от многих бывших сторонников революции. Многие люди в департаментах не могли терпеть возрастающую власть парижских политиков и парижской толпы [18]. Процесс консолидации новой нации принял огромные размеры эсхатологической борьбы между добрыми и злыми силами.

В самые первые дни революции ее сторонники ликовали от грандиозности перемен и верили, что наступил час всеобщего примирения, рождения нового народа и общества и конца проклятого старого строя. Ярость разжигалась среди прореволюционных элементов, когда они узнали, что многие люди не приняли великие перемены и выступали против них. Скоро повсеместно царила атмосфера страха от контрреволюционных заговоров, особенно среди родственников короля Людовика XVI и аристократов в эмиграции. Люди боялись, что королевские родственники и эмигранты подстрекали европейских монархистов напасть на Францию и восстановить старый режим. Везде сторонники революции видели внутренних предателей [19]. Подозрение Людовика XVI в измене росло после неудачного вареннского бегства в июне 1791 г. С первых дней революции королева Мария-Антуанетта была под подозрением: ее считали австрийской шпионкой. Объявление войны в апреле 1792 г. правительству Австрии и другим государствам и первые поражения на фронте приводили к обвинениям многих офицеров в измене. Рядовые революционеры

в клубах по всей Франции и парижских секциях требовали решительных мер против священников, не принявших обет лояльности, эмигрантов и всех внутренних предателей, включая представителей армии и правительства.

Каждое выступление против перемен трактовалось сторонниками революции проявлением духа аристократизма. Со временем революционеры развили обширный словарь оскорбительных выражений для сторонников аристократизма: «бывшие» (*ci-devant*), «фанатики», «старый режим» (*ancien regime*), «эгоисты». Гидра аристократизма имела такие варианты, как «умеренность», «федерализм» или «анархия». Естественно, революционеры верили, что народные массы были под влиянием лукавых аристократических обманщиков. Уже в 1791 г. парижская городская администрация осудила организацию политических клубов, особенно среди народных масс, и клеймила активность масс как проявление аристократизма. В петиции к правительству администрация написала: «Давно враги конституции уповают на анархию; они рассчитывают на преувеличение патриотизма и на крайности нетерпеливой страсти, порожденной быстрым завоеванием свободы. Они рассчитывают на вечно злоупотребленный обычай недоверия простых людей и на их долго репрессированную ненависть тиранического правительства» [20]. Другими словами, быть более революционными, чем революционеры у власти, считалось проявлением аристократизма. Со временем якобинцы стали называли своих левых оппонентов слугами аристократов. Итак, французские революционеры сумели поставить всякую критику революционных перемен под ярлык аристократизма и предательства революции. Точно так, как большевики и советские историки описали социалистов-революционеров, максималистов и анархистов как авантюристов, леваков и революционаристов и обвинили их в служении реакции, хотя эсеры, максималисты и анархисты использовали громкие ультрареволюционные фразы. Как якобинцы презирали «умеренных» пособниками аристократов, так большевики и советские историки называли меньшевиков оппортунистами, ревизионистами и примиренцами и обвиняли их в служении классовому врагу в лице черносотенных-монархистов из правых партий и буржуазных либералов из кадетов и других представителей правого фланга. Также «буржуазные националисты» из национальных партий, даже социалистического направления, обвинялись в сеянии раскола среди масс и в служении «своим» и русским эксплуататорам. Как видим, черносотенцы развивали длинный список оскорбительных выражений для разных категорий своих внешних и внутренних врагов.

После свержения монархии и наступления правительственного террора якобинцы требовали безусловной поддержки своей политики. Пассивность и равнодушие были признаками враждебности к революции и критериями к исключению людей из рядов нации и лишению жизни. Луи Антуан Сен-Жюст, соратник М. Робеспьера, писал 10 октября 1793 г.: «Вы должны наказывать не только предателей, но даже и тех, кто являются безразличными; вы должны наказывать тех, кто являются пассивными в республике, и тех, кто не делают ничего для республики» [21]. Таким образом, шла консолидация французской нации при жестком определении ее политического компонента и установлении норм безусловной лояльности к правительственной политике. Заметим, что антиреволюционные и контрреволюционные движения также разрабатывали собственные концепции нации, нормы поведения, критерии к исключению из нации и меры к уничтожению оппонентов [22]. Так, например, роялистские крестьянские повстанцы в Вандее часто убили всех, кто оказался в выигрыше от революции: покупателей конфискованных церковных земель, священников, принявших обет лояльности, местных администраторов и республиканцев [23].

Следует задать вопрос: почему страх прореволюционных, антиреволюционных и контрреволюционных элементов действительных и, чаще, мнимых врагов принял такой масштаб на всех этапах Французской революции и, наконец, воплотился в политике террора и в желании и готовности всех сторон уничтожить своих врагов? Страх, прежде всего, является эмоцией или чувством. Современные историки французской революции признают, что якобинский террор был ответом на войну с внешними и внутренними врагами. Но они также признают, что эмоции, как одержимость и истерия прореволюцион-

ных элементов по поводу внутренних врагов и контрреволюционных заговоров во всемирных вариантах, создали питательную среду для реализации политики террора.

Часто историки обращают внимание на элементы конспирологии для объяснения питательной среды террора. Заметим, что конспирология имела долгую дореволюционную историю во Франции. Народные волнения часто начинались из-за слухов об аристократических заговорах с целью морить голодом крестьян и городские низы [24]. Конечно, все экономические трудности в революционной Франции вызывали страхи относительно заговоров голода. «Большой страх» - массовая паника французского крестьянства летом 1789 г., возникшая из-за слухов о заговорах аристократов, разбойников и иностранцев морить голодом крестьян [25]. Паника охватила всю Францию и сочеталась с крестьянскими выступлениями против помещиков и других чуждых элементов. Так, например, в Эльзасе крестьяне совершили ряд еврейских погромов, потому что ненавидели евреев, как ростовщиков и агентов помещиков [26].

Одно дело - говорить о массовых проявлениях конспирологии, а другое - когда речь идет о конспирологических истериях политических классов. Например, в июле 1793 г. якобинец Жак Никола Бийо-Варенн сообщил своим коллегам в Конвенте, что все якобы отдельные проявления оппозиции к Конвенту являлись частями обширного заговора [27]. Нетрудно якобинцам было поверить в его заявления, потому что многие революционеры с 1789 г. верили во всевозможные интриги аристократов и других врагов. Заметим, что антиреволюционные и контрреволюционные силы тоже имели свои конспирологические объяснения революции. Некоторые контрреволюционеры обвиняли масонов, секту иллюминатов и философов эпохи Просвещения в организации заговора против бурбонской монархии. «Отцом» конспирологических теорий о революциях считается французский иезуит Августин Баррюэль [28].

Изучение конспирологических проектов помогает нам понимать предпосылки нетерпимости всех враждующих сторон Французской революции. Однако конспирология является составной частью общей политической эсхатологии каждой революции и контрреволюции. Предполагается, что эсхатологические мотивы демонизации внешних и внутренних врагов мощно влияли на сознание французских революционеров и их оппонентов. Ведь Французская революция породила явление политической эсхатологии, требующее более подробного исследования. Заметим, что историки революций и политических движений часто не обращают должного внимания на роль политической эсхатологии в процессе консолидации наций и движений. Конечно, эсхатология имеет религиозные корни, но это учение адаптировалось ко всем политическим идеологиям, начиная с эпохи Французской революции и до сегодняшних дней.

Эсхатология - учение о предстоящем конце старого мира и рождении нового порядка. Это учение, уходящее корнями в зороастризм, иудаизм, христианство, ислам, с адаптациями к политическим идеологиям, прежде всего, объяснения истории, разворачивающейся по закономерному плану на протяжении многих веков. Выбор каждого человека в этом процессе влияет на судьбу всех. Прежде всего, эсхатологическая история объясняет происхождение зла, его развитие и предстоящее поражение в конце истории, а также дает людям знать, кто виноват в происхождении и развитии зла. Демонизация действительных и воображаемых, особенно внутренних, врагов является составной частью эсхатологии и в религиозных, и в идеологических вариантах. Главная цель эсхатологической истории в религиях и идеологиях - переписать историю заново, чтобы показать закономерные долгосрочные предпосылки современного катастрофического положения человечества и разделения людей на категории добрых и злых сил и указать на выход из кризиса [29]. Неудивительно, что эсхатологические мотивы демонизации внешних и внутренних врагов мощно влияли на сознание французских революционеров, особенно когда они старались понять, почему все чаще многие бывшие сторонники революции переходят в лагерь антиреволюционных и контрреволюционных элементов. Заметим, что сторонники революции впервые начали космическую борьбу добрых и злых сил во Франции. Даже с первых месяцев революции сторонники перемен исключали оппонентов из рядов нации и провозглашали, что бывший общественно-политический строй был основан на

невежестве и всякие элементы прошлого недостойны сохранения. Самопровозглашенные патриоты клеймили всех противников аристократами и везде видели козни аристократизма в ностальгии по устаревшим привилегиям и в обмане небдительных патриотов. Демонизация врагов - утверждение того, что враги являются последователями дьявола или нечистой силы и действуют под подстрекательством дьявола, чтобы добрые люди заблуждались и гибли. Заблуждение правоверных, по эсхатологической исторической схеме в религиях и идеологиях, задерживает пришествие нового века и продолжает господство злых сил. Следует заметить, как антиреволюционные и контрреволюционные элементы могли развивать свои эсхатологические представления о революции при всеобщей ломке и высмеивании институтов дореволюционного строя и ликовании революционеров по поводу разрушения прошлого. Неудивительно, что многие оппоненты революционеров пришли к выводу, что они переживали крушение старого мира и нашествие страшного царствия Антихриста и других демонических сил. Оппоненты революции могли задать вопросы: кто виноват в падении божественного освященного строя и кто сеял лжеучения среди населения?

Дуализм добрых и злых сил в космической (вселенской) борьбе в истории - краеугольная характеристика эсхатологии. В религиозной эсхатологии злая сила всегда олицетворяется злым божеством или падшим ангелом. В зороастризме это Ахриман, верховное божество зла и враг Ахурамазды, верховного божества. Злая сила в иудаизме, христианстве и исламе олицетворяется в дьяволе, падшем ангеле. Заметим, что дьявол и сотворенные существа - это не божества. Имя верховного дьявола: Шайтан - для иудеев, Сатана - для христиан, Иблис - для мусульман. Шайтан в переводе с арамейского - противник в суде, в споре или на войне, препятствующий, противоречащий, обвинитель, наушник, подстрекатель [30]. Сатана не абстракция, как справедливо замечает американский исследователь Элейн Пагельс. По ее мнению, концепции о Сатане отражают то, как мы воспринимаем себя и других, особенно тех самых «чужих» [31]. Дьявол, по мнению Э.Пагельс, персональный враг, который прекрасно знает слабости людей и имеет большую способность искушать и развращать их. Хорошо известно, как он соблазнил Адама и Еву с мечтой о приобретении божественной мудрости и бессмертия. Дьявол, особенно в смутные времена, часто искушает людей с мечтами о прекрасном потерянном мире или о предстоящем новом мире без необходимости страдания и преодоления лжеучений. Конечно, дьявол умеет воспользоваться конфликтами и раздорами среди правоверных, особенно в периоды преследования внешними врагами.

В этой связи главный общий элемент в религиозной и политической гонимости - постоянное утверждение, что внутренний противник всегда более опасен, чем внешний враг. Особенное внимание последователи эсхатологических движений уделяют определению народа и разделению людей на строго определенные категории спасенных и осужденных. Чтобы определить, какие люди достойны спасения, последователи движений задают себе самый главный вопрос: «Кто является народом Бога?», или «Кто является людьми Бога?» [32]. Логично следует следующий вопрос: «Кто враги Бога и его народа?». В политических движениях постановка вопроса немножко проще: «Кто является народом?», - и обычно имеет дело с классом или нацией.

Э. Пагельс пришла к выводу, что упор на опасность внутренних врагов возник среди радикальных иудейских общин в Палестине после возвращения иудеев из Вавилонского плена. Там, в плену, многие иудеи знакомились с зороастрийскими эсхатологическими учениями. В веках между возвращением из Вавилонского плена и разрушением Иерусалимского храма римлянами эсхатология стала составной частью многих канонических и неканонических библейских книг. Преследование иноверцев и конфликты среди иудеев вызвали апокалиптические движения. История в библейских текстах была написана заново, чтобы доказать долгосрочные предпосылки современных конфликтов среди верующих, закономерность катастрофического современного положения дел, желательность разрушения старого строя и пришествия нового порядка и необходимости бдительности против лжеучений, особенно тех лжеучений, которые провозглашались представителями религиозной элиты. Последователи эсхатологических движений часто осуждали священ-

ников, последователей ассимиляции с язычниками и коллаборационистов с эллинскими и римскими оккупантами как последователями Шайтана. Они делали вывод о том, что внутренние враги были хуже, чем язычники, и утверждали, что Шайтан заведомо сеял конфликты и лжеучения среди Божьих избранников. В эсхатологических религиозных движениях внутренние враги в общине выбрали следовать дьяволу и исключили себя из рядов правоверных. Э. Пагельс заметила, что сюжеты о существовании дьявола действительно были вопросами об отступниках в общине и о происхождении отступничества. Э. Пагельс пишет: «Те, которые задали вопрос "Как мог Божий ангел стать врагом Бога?" действительно задали себе вопрос "Как мог один из нас стать одним из них?". Истории о Сатане и других падших ангелах широко распространялись в те смутные времена, особенно среди радикальных групп оппозиции к другим частям иудейской общины. Радикалы заключали, что другие выступали против них или, как они представляли, против Бога» [33].

Предполагается, что эсхатологическое представление об опасности внутренних врагов могло легко адаптироваться к политическим эсхатологическим идеологиям, особенно в кризисные моменты. Французские революционеры провозгласили разрушение старого строя и рождение новой нации. Однако на каждом этапе революции они сталкивались с увеличением рядов оппонентов перемен и с переходом многих бывших сторонников революции в лагеря антиреволюционных и контрреволюционных элементов. Революционеры пришли к выводу, что сторонники аристократизма сеяли невежество и ностальгию по устаревшим привилегиям среди нестойких и небдительных патриотов. Консолидировать нацию было невозможно, по представлениям революционеров, когда еще существовали многие пережитки старого режима. В этой связи в 1793-1794 гг. якобинцы начали поход против местных диалектов французского языка и языков этнических меньшинств. Установление моноязычной Франции должно было уничтожить массовую питательную среду контрреволюции. «Языковый террор» якобинцев положил начало сложному процессу консолидации моноязычной французской нации.

Широкое использование местных диалектов и языков этнических меньшинств имело определенное оправдание в дореволюционной монархии. Несмотря на возрастающую централизацию правления, во Франции существовала сложная система пересекающихся исторических провинций, церковных, судебных, налоговых и военных юрисдикций. Провинции и даже многие города имели свои корпоративные привилегии. В ночь с 4 на 5 августа 1789 г. в Законодательном Собрании депутаты добровольно отказались от многих привилегий, в том числе корпоративных провинциальных и городских прерогатив. Собрание отменило провинции в 1790 г. и заменило их департаментами [34]. Жители провинций говорили на десятках разных диалектов французского языка. В пограничных провинциях жители говорили по-бретански, фламандски, баскски, итальянски, немецки, каталански и т.д. Евреи в Эльзасе говорили на идиш, потомки еврейских беженцев с Пиренейского полуострова говорили по-ладино (смесь испанского языка с ивритом) или по-португальски, а черные рабы в колониях использовали креольские диалекты. Диалекты часто называлось «патуа» (*patois* от *la patte* - лапа. Патуа - диалект, говор, нестандартный вариант языка) [35].

На раннем этапе революции представители правительства старались переводить законы и декреты на местные диалекты французского языка и языки этнических меньшинств, чтобы крестьяне понимали не только законы, но также свои новые обязанности и меру ответственности в качестве граждан новой французской нации. Эта языковая политика была своеобразной кампанией внушения правосознания среди крестьянства и других народных слоев. Однако правительство не имело достаточных финансовых и человеческих ресурсов для проведения широкой кампании по переводам и внушению правосознания. Представители правительства - центральные, департаментские, ные - были вынуждены полагаться на традиционных посредников в селах между правительством и народом - католических священников. При старом режиме священники читали прихожанам в церквах декреты. Дискуссии и составление петиций к выборам Генеральных Штатов в 1789 г. проводились в церквах. Сельский священник обычно был един-

ственным человеком в селе, умеющим говорить и писать на французском языке и на местном диалекте французского языка или на языке этнического меньшинства. Американский исследователь Дэвид Белл описал, как на протяжении 200 лет католическое духовенство делало кропотливую работу в наставлении прихожан с использованием религиозных материалов на разных диалектах и языках [36]. На раннем этапе революции некоторые священники распространяли на разных диалектах и языках среди крестьянства своеобразное евангелие о революции как воплощении второго пришествия Иисуса Христа и заре нового справедливого века [37].

Однако ликование по случаю пришествия нового века потерпело крах уже в 1790 г. с возникновением множества конфликтов по разным направлениям. Многие бывшие католические сторонники революции перешли в оппозицию из-за дарования равноправия протестантам и позже евреям, а также из-за раскола в Католической церкви, вызванного гражданским устройством духовенства в 1790 г. Конфликты между католиками за или против гражданской конституции вызвали острые дебаты в газетах и памфлетах, опубликованные на французском языке, диалектах и других языках. Эсхатологические мотивы борьбы между ангельскими и дьявольскими силами участвовали в католических средствах массовой информации. Революция воспринималась одобрительно как второе пришествие Иисуса Христа или осуждалась как пришествие царства Антихриста [38]. После свержения монархии в 1792 г. и казни Людовика XVI в январе 1793 г. начались гражданские войны во Франции - продолжающийся раскол в Католической церкви, монархистские заговоры, роялистские восстания вандейского крестьянства и бретанских и нормандских шуанов-партизан, «федералистские» восстания многих департаментов против парижской централизации. Многие антиреволюционные и контрреволюционные выступления имели место в регионах на разных диалектах и других языках. В этой связи многие якобинцы пришли к выводу, что политика многоязычия стала оружием врагов революции и угрозой консолидации французской нации, особенно при иностранных вторжениях и внутренней контрреволюции. Наступил 1794 год - начало якобинского похода против языковых очагов аристократизма, изживших себя привилегий и контрреволюции. Штурм Вавилонской башни многоязычия якобинцами был вехой в консолидации французской нации.

Многоязычие было творением заговора монархов и духовенства во имя невежества и деспотизма. Якобинец Бертран Барьер де Вюзак в докладе к коллегам в Комитете общественной безопасности 27 января 1794 г. заявил: «Коалиция тиранов говорит - невежество всегда наше самое мощное оружие - через сохранение невежества мы порождаем фанатиков, умножаем контрреволюционеров, вернем Францию в царство варварства; наше дело служить малообразованным людям или людям, говорящим на других языках и диалектах, не преподаваемых в школьной системе» [39]. Революция освободила французский язык от развратных влияний монархов, аристократов и духовенства. Французский язык стал языком разума и свободы для всех народов Европы. В отличие от могущественного французского языка Барьер описал бретонский, немецкий, итальянский и баскский языки в пограничных районах оплотами царства фанатизма и суеверия. Существование этих языков являлось угрозой распространению гражданского и правового сознания в процессе консолидации французской нации [40].

Барьер гневно заметил, что жители, говорящие на других языках, в разных регионах были сплошь и рядом под контрреволюционным влиянием аристократов и священников и занимались предательской деятельностью против республики. Из-за существования данных языков жители этих регионов не имели ни малейшего понимания республиканских законов. Решением этого катастрофического положения дел, по мнению Барьера, является всеобщее и обязательное изучение французского языка. Через знание языка люди из народных масс станут гражданами и ознакомятся с законами республики. Игнорирование языковых нужд низших социальных групп было еще одним проявлением духа аристократизма. Барьер указал на результаты сохранения многоязычия: «Федерализм и суеверие говорят по-бретонски; эмиграция и ненависть к революции говорят по-

немецки; контрреволюция говорит по-итальянски и фанатизм говорит по-баскски. Разгромим эти инструменты вреда и заблуждения!» [41].

Многоязычие и другие устаревшие привилегии, по мнению Барьера, служили целям монархии по разделению граждан по всем векторам. Стыдно, продолжал он, что иностранные сторонники французской революции знают, что шесть миллионов жителей Франции не говорят по-французски и живут в полном невежестве законов республики и в полном отсутствии гражданского сознания. Только предатели могут поддерживать это положение дел, отмечал гневный якобинец. В заключение доклада Барьер предложил установление сети преподавателей французского языка по всем общинам в регионах других языков. Священники и другие бывшие члены привилегированных слоев не могли стать преподавателями. Только местные политические клубы и народные сообщества имели право нанимать преподавателей с достаточной политической благонадежностью. Обязанности преподавателей - преподавать французский язык всем мальчикам и девочкам и в конце недели читать всем взрослым в общине законы республики [42]. По Барьеру, установление моноязычия могло лишить контрреволюционеров своей массовой поддержки и привести к распространению правосознания среди всех граждан республики. Высокий уровень знания законов мог способствовать осознанию гражданских обязанностей в деле консолидации нации. Итак, языковой спор для Барьера оказался политическим вопросом.

Несколькими месяцами позже, 4 июня 1794 г., революционный священник Анри Жан-Баптист Грегуар прочитал членам Национального Конвента свой «Доклад о необходимости и средствах уничтожить патуа и универсализировать французский язык». Аббат Грегуар, страстный защитник эмансипации евреев и черных рабов, призывал к уничтожению всех местных диалектов французского языка. Как и Барьер, Грегуар утверждал, что всеобщее и обязательное изучение французского языка является мощным оружием в распространении правосознания и гражданских ответственностей среди населения [43]. На протяжении нескольких лет Грегуар проводил обширную переписку и опросы с сотнями респондентов по всей Франции о положении французского языка. Священник обратил внимание депутатов на вопиющее противоречие. Французский язык являлся языком общеевропейской дипломатии, монархов и образованных классов повсеместно в Европе. При бурбонской монархии язык породил крупные достижения высшей культуры, а при республике французский язык приносит евангелие свободы всем европейским народам. Однако в то время во Франции многие жители еще не умели говорить по-французски. Из 83 департаментов страны только в 15 - французский язык единственный. Революция, провозгласил Грегуар, отменила провинции, однако названия 30 диалектов напоминали людям названия бывших провинций и продолжали традицию корпоративных привилегий. Он также отметил существование нефранцузских языков во Франции и креольских диалектов черных рабов в колониях. Согласно данным Грегуара, из 28 млн жителей Франции 6 млн не умели говорить по-французски и еще 6 млн не могли поддержать простой разговор на языке. Только 3 млн жителей умели писать на французском языке [44].

Барьер требовал обязательного обучения французскому языку в пограничных регионах языков этнических меньшинств. Идя дальше, Грегуар требовал обязательного обучения французскому языку во всех регионах местных диалектов. Обучение французскому языку также требовало ознакомления жителей с законами и развития гражданских обязанностей. Игнорирование языкового вопроса является угрозой делу свободы во Франции. По мнению Грегуара, сохранение феодальных диалектов и языкового феодализма продолжает аристократизм и не дает жителям возможности участвовать во всех отраслях жизни республики. При таком политическом устройстве все ответственные друг за друга и имеют обязанность помогать согражданам соблюдать законы. Переводы законов были бесполезны, потому что диалекты оказались неспособны выразить абстрактные идеи и продолжали законодательное невежество. Было невозможно строить «республику единую и неделимую» при существовании Вавилонской башни разных диалектов и языков. Проведение политики моноязычия, заметил Грегуар, приводит к возрождению французской нации в опасное время внешних нашествий и внутренней контррево-

люции. Уничтожение диалектов, подчеркнул Грегуар, может искоренить анархию в политических, экономических и культурных сферах национальной жизни. Пришло время революционизировать язык. Грегуар провозгласил: «Чтобы искоренять все предрассудки, развивать истину, все таланты и добродетели, консолидировать всех граждан в национальной массе, упрощать правление и политику, нам нужна языковая идентичность» [45]. Как и Барьер, Грегуар рассмотрел языковой вопрос политическим вопросом в консолидации французской нации. По мнению Грегуара, моновязычие служит благородным целям революции и нации.

Выступления Барьера и Грегуара против диалектов и нефранцузских языков имели свои последствия. Указом правительства 20 июля 1794 г. запретили публиковать законы на диалектах или на других языках. Французский язык стал государственным. За нарушение закона при исполнении служебных обязанностей чиновники и другие представители правительства наказывались приговором полицейского трибунала шестью месяцами заключения. Через неделю после провозглашения указа о языке Робеспьер и его соратники были свержены. В сентябре проведение в жизнь указа о языке было приостановлено, но не отменено полностью. Только в позднем XIX веке было возможно правительству установить всеобщее изучение французского языка и сократить использование местных диалектов и нефранцузских языков [46].

В отличие от французских революционеров черносотенцы шли на уступки нерусским народам. Они признавали права «дружественных к России» народов, хотя с условиями признания нерусскими народами первенства русского народа и принятия триединой формулы. Как заметил российский историк С.А. Степанов, «дружественное население могло рассчитывать на неприкосновенность веры, языка, быта и общественного строя. От имени русского народа было торжественно провозглашено, "что все нерусские народности, имеющие исконную племенную оседлость в коренной России и живущие извечно среди русского народа, он признает равными себе, своими верными и добрыми соседями, друзьями и сородичами". Остается гадать, как можно было увязать эту клятву с длинным перечнем исключительных привилегий для русского населения» [47]. Заметим, что черносотенцы демонстрировали больше терпимости к языкам этнических меньшинств, чем французские революционеры и многие европейские государства в веке политики моновязычия. Также черносотенцы, как сторонники самодержавия, не могли выступать против Основных Законов Российской империи, допускающих использование местных языков при определенных условиях [48].

Подведем некоторые итоги. Французская революция является началом сложного процесса развития политического национализма и консолидации наций в Европе. В бурные годы революции развивалась концепция французскости. Через французскость, по мнению французских революционеров, французы должны составлять сплоченное, самоопределяющееся (самоидентифицирующееся) сообщество, единое в приверженности к триединой формуле «Свобода, Равенство, Братство» - основным идеалам 1789 года - и во враждебности к невежеству, изжившим себя корпоративным привилегиям и духу «аристократизма». Отметим, что определение «истинно-француза» означало не этническую, а скорее политическую принадлежность. В этой связи можно обнаружить большие элементы преемственности между пониманием французских революционеров французскости и черносотенным понятием русскости. Чтобы строить новую нацию, французские революционеры занимались определением понятия нации, установлением норм *правильного* политического поведения для членов нации, критериев к включению людей в нацию и особенно к исключению индивидов и целых категорий людей из ее рядов. Часто эти нормы исключения приводили к лишению жизни тысяч людей. Революционеры также предприняли крупные меры к созданию моновязычной нации в надежде разгромить питательную среду для контрреволюции и внушить населению гражданскую ответственность и национальное правосознание. Заметим, что революционеры заставляли своих оппонентов из антиреволюционных и контрреволюционных лагерей развивать свои концепции французскости. Последствия революционного понимания политической нации еще влияют на многие аспекты национальной жизни современной Франции.

Французская революция также является началом использования политической эсхатологии в процессе консолидации наций и политических движений в Европе. В период между 1789 и 1917 гг. французские революционеры шли дальше, чем все другие приверженцы любых идеологий в деле консолидации нации и в применении мер к дискредитации, демонизации, изоляции и уничтожению своих политических противников во всех областях национальной жизни.

Продолжение следует

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Размолодин М.Л. Трактровка понятия «русскости» в черносотенной идеологии // Научный журнал КубГАУ. - 2010. - № 62 (08). - С. 2
2. Religlaw: International Centre for Law and Religion Studies: Religious Freedom in France. <https://www.religlaw.org/index.php?pageId=22&contentId=862&blurId=26402>
3. В парламентских выборах 2017 г. новые популистские партии по всему спектру наносили сокрушительные поражения истеблишментским партиям голлистов (республиканцев) и социалистов. <http://www.parties-and-elections.eu/france.html>
4. Халилов Т.А. Александр Шмеман: идея соотнесенности и позиция радикального контестатора // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. - Ростов н/Д, 2017. - № 2. - С. 242-248.
5. Западная литература о сложностях коллаборационизма и сопротивления во Второй мировой войне обширна и разоблачает миф о всеобщем участии французов в движении сопротивления. См. напр.: Jackson, Julian. France: the dark years, 1940-1944. - Oxford UK; New York: Oxford University Press, 2001. Также существуют в современной Франции правые движения, которые отвергают наследие Французской революции. Роялистское движение Action Francaise - Французское Действие, основано в 1899 г., самая старая монархистская организация в Европе. <https://www.actionfrancaise.net/> Более элитарное враждебное отношение к Французской революции и ее ценностям занимает «Новое Право», сеть индивидуумов, институтов и кружков возникших во Франции в 60-х годах. Главный институт «Нового Права» - Группа исследований по европейской цивилизации <http://grece-fr.com/> Директор института Алэн де Бенуа (Alain de Benoist) имеет свою сеть почитателей. Les amis de Alain de Benoist. <http://www.alaindebenoist.com/>
6. Israel, Jonathan. Revolutionary ideas: an intellectual history of the French Revolution from the Rights of Man to Robespierre. - Princeton NJ: Princeton University Press, 2014. - С. 221. В других работах Исраэля идеи эпохи Просвещения играли первую роль в формировании революционного менталитета среди представителей образованных классов. Israel, Jonathan. Radical enlightenment: philosophy and the making of modernity, 1650-1750. - London; New York: Oxford University Press, 2001; Israel, Jonathan. Enlightenment contested: philosophy, modernity, and the emancipation of man, 1670-1752. - London; New York: Oxford University Press, 2006; Israel, Jonathan. Democratic enlightenment: philosophy, revolution, and human rights 1750-1790. - New York: Oxford University Press, 2011. В своей последней работе Исраэль констатировал, что Американская революция (Война за независимость) разжигала волну революций в Европе, Латинской Америке и на других континентах между 1775 и 1848 гг. Israel, Jonathan. The expanding blaze: how the American Revolution ignited the world, 1775-1848. - Princeton NJ: Princeton University Press, 2017.
7. Talmon J.L. The origins of totalitarian democracy. - London: Secker & Warburg, 1955.
8. Declaration of the Rights of Man - 1789. Ст. 3. http://avalon.law.yale.edu/18th_century/rightsof.asp
9. Основные работы Роберта Палмера и Жака Годешо о веке демократической революции: Godechot, Jacques Leon. La grande nation: l'expansion revolutionnaire de la France dans le monde, 1789-1799. 2e ed. - Paris: Aubier Montaigne, 1983; Godechot, Jacques Leon. Les revolutions (1770-1799). - Paris: Presses universitaires de France, 1970; Godechot, Jacques Leon. The counter-revolution: doctrine and action, 1789-1804. Trans. from the French by Salvator Attanasio. - New York: H. Fertig, 1971; Palmer R.R. The age of the democratic revolution; a political

- history of Europe and America. 2 vol. - Princeton NJ: Princeton University Press, 1959-1964.
Сравнительный подход к изучению общеевропейских революций 1848-1849 гг. никогда не был дискуссионным. См.: Dowe D. (ed.). Europe in 1848: revolution and reform. Trans. by D. Higgins. - New York: Berghahn Books, 2000; Rapport M. 1848: year of revolution. - New York: Basic Books, 2009; Революции 1848-1849 гг. 2 тома. - М.: Издательство Академии наук, 1952; Sperber J. The European revolutions, 1848-1851. - New York: Cambridge University Press, 2005.
10. McPhee, Peter. Rethinking the French Revolution and the "Global Crisis" of the of the Late-Eighteenth Century // News and Papers from the George Rude Seminar / French History and Civilization. - 2015. - Vol. 6. - С. 56-64, 64. <https://h-france.net/rude/wp-content/uploads/2017/08/McPheeVol6.pdf>
 11. Sieyes, Emmanuel-Joseph. What is the Third Estate? (1789). <http://pages.uoregon.edu/dluebke/301ModernEurope/Sieyes3dEstate.pdf>
 12. Cochin, Augustin. Les societies de pensee et la democratie modern - P. 5. <http://misraim3.free.fr/divers2/SOCIETES.PDF>
 13. Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. - М., 1909. <http://www.vehi.net/vehi/>
 14. Declaration of the Rights of Man, Преамбула. http://avalon.law.yale.edu/18th_century/rightsof.asp
 15. Schama, Simon. Citizens: a chronicle of the French Revolution. - New York: Knopf, 1989. - P. 423.
 16. Там же. - P. 439.
 17. Constitution de 1791, Преамбула. <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/la-constitution/les-constitutions-de-la-france/constitution-de-1791.5082.html>
 18. Американский историк Д.М.Г. Сатерленд подробно описывает массовые антиреволюционные и контрреволюционные движения в первых годах революции. Sutherland D.M.G. The French revolution and Empire: the quest for a civic order. - Malden MA; Oxford: Blackwell Pub., 2003.
 19. Tackett, Timothy. The coming of the terror in the French Revolution. - Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2015. - С. 432-434.
 20. Andress, David. The terror: civil war in the French Revolution. - London: Little, Brown, 2005. - P. 46.
 21. Там же. - P. 224.
 22. Халилов Т.А. Политический порядок и проблема идеологии // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. - Ростов н/Д, 2017. - № 3. - С. 247-256.
 23. Doyle, William. The Oxford history of the French Revolution. 2nd ed. - Oxford; New York: Oxford University Press, 2002. - P. 224.
 24. Kaplan, Steven L. The Famine Plot Persuasion in Eighteenth-Century France. Transactions of the American Philosophical Society. - 1982. - Vol. 72. - No. 3. - Pp. 1-79.
 25. Lefebvre, Georges. The Great Fear of 1789; rural panic in revolutionary France. Introd. by George Rudé. Trans. from the French by Joan White. - New York: Basic Books, 1973.
 26. Schama. - P. 435.
 27. Sutherland. - P. 159.
 28. Можно найти в электронной форме 4-томную работу Барруэля о якобинстве, опубликованную в 1797-1798 гг.: Barruel A.A. Memoirs Illustrating the History of Jacobinism. <https://archive.org/search.php?query=barruel%20jacobinism>.
 29. Многие эсхатологические тексты из библейских канонических и неканонических книг доступны в электронной форме. Русская апокрифическая студия. <http://apokrif.fullweb.ru/>. Early Jewish Writings. <http://www.earlyjewishwritings.com>. Early Christian Writings. <http://www.earlychristianwritings.com>. Gnosis Society Library. <http://www.gnosis.org/library.html>. Для сведений о происхождении и развитии эсхатологии см.: Cohn, Norman Rufus. The pursuit of the millennium: revolutionary millenarians and mystical anarchists of the Middle Ages. Rev. and expanded ed. - New York: Oxford University Press, 1970; Collins, John Joseph, Bernard McGinn, and Stephen J. Stein. (eds.). The encyclopedia of apocalypticism. 3 vol. - New York: Continuum, 1998; Goldish, Matt. (ed.). Millenarianism and messianism in early modern European culture. 4 vol. - Dordrecht; Boston: Kluwer, 2001; Pagels, Elaine. The origin of Satan. - New York: Vintage Books, 1996. Марксистские историки, в том числе советские, описывали массовые эсхатологические движения средних веков антифеодальными

движениями в религиозном обличье, потому что Церковь освятила феодальной строй. См., напр.: Kautsky, Karl. Communism in Central Europe at the time of the Reformation. 1897. <https://www.marxists.org/archive/kautsky/1897/europe/index.htm>. Современный русский националист Игорь Шафаревич описывал эти движения предшественниками современного социализма, потому что они выступали за уничтожение частной собственности, религии, семьи, политического и социального неравенства и индивидуальной личности. Шафаревич И.Р. Социализм как явление мировой истории. - М.: ЕКСМО, Алгоритм, 2003. Религиозные эсхатологические движения тоже имели место во Французской революции. Заметим, что религиозные варианты эсхатологии сохранились дольше в России, чем в Европе. Миллионы христиан, особенно среди старообрядцев и сектантов, евреев и мусульман, твердо верили в предстоящий конец света и пришествие Спасителя. Однако только во времена массовых потрясений, особенно в Русской революции и гражданской войне, можно наблюдать определенное стремление верующих приблизить конец света. Приверженцы идеологической эсхатологии по всему политическому спектру часто сознательно хотели приблизить конец ненавистной системы.

30. Аверинцев И.И. Сатана. Мифы народов мира: Энциклопедия. 2 т. - М: Большая российская энциклопедия, 1998.
31. Pagels, Elaine. The origin of Satan. - New York: Random House, 1995. - P. xviii.
32. Там же. - P. 51
33. Там же. - P. 49
34. Schama. - P. 439, 475.
35. Для сведений о прошлом и настоящем положении французского языка, его местных диалектов и языков этнических меньшинств см.: Leclerc, Jacques. Histoire de la langue francaise. <http://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/histlngfrn.htm>; France, Ministere de la Culture. Langue francais et langues de France. <http://www.culture.gouv.fr/Thematiques/Langue-francaise-et-langues-de-France>.
36. Bell, David A. Lingua Populi, Lingua Dei: Language, Religion and the Origins of French Revolutionary Nationalism // The American Historical Review. - 1995. - Vol. 100. - Pp. 1403-1437, 1425-1430.
37. Там же. - P. 1419.
38. Там же. - P. 1420.
39. Barere de Vieuzac, Bertrand. Rapport du Comite de salut public sur les idiomes. <http://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/barere-rapport.htm>
40. Там же.
41. Там же.
42. Там же.
43. Gregoire, Henri Jean-Baptiste. Rapport sur la necessite et les moyens d'aneantir les patois et d'universaliser la langue francaise. <http://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/gregoire-rapport.htm>.
44. Там же.
45. Там же.
46. La Revolution francaise : la langue nationale (1789-1870). [http://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/HIST_FR_s8_Revolution1789.htm#2_Le_guerre_aux_%C2%ABpatois%C2%BB_sous_la_R%C3%A9volution_\(1789-1799\)_](http://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/HIST_FR_s8_Revolution1789.htm#2_Le_guerre_aux_%C2%ABpatois%C2%BB_sous_la_R%C3%A9volution_(1789-1799)_).
47. Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России. - М.: Яуза-пресс, 2013. - С. 50.
48. Как провозгласили Основные Государственные Законы, «русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях определяется особыми законами». 23 апреля 1906 г. Высочайше утвержденные Основные Государственные Законы. <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/apr1906.htm>.

REFERENCES AND NOTES

1. Razmolodin M.L. Traktovka ponyatiya "russkosti" v chernosotennoj ideologii [Treatment of the concept of "Russianness" in Black Hundreds ideology]. Nauchnyj zhurnal KubGAU = Academic Journal of KubGAU. No. 62 (08), 2010. P. 2 (In Russian).
2. Religlaw: International Centre for Law and Religion Studies: Religious Freedom in France. <https://www.religlaw.org/index.php?pageId=22&contentId=862&blurbId=26402> (In English and French).
3. In the parliamentary elections of 2017, new populist parties from across the political spectrum delivered crushing defeats to the establishment parties of Gaullists (Republicans) and Socialists. <http://www.parties-and-elections.eu/france.html> (In English).
4. Khalilov T.A. Aleksandr Shmeman: ideja sootnesennosti i pozicija radikal'nogo kontestatora [Alexander Schmemann: the Idea of Attribution and the Position of the Radical Contestator]. Politicheskaja konceptologija. Zhurnal metadisciplinarnyh issledovanij = Political Conceptology. Journal of Metadisciplinary Research. Rostov-on-Don. 2017. No. 2. Pp. 242-248. (In Russian).
5. Western literature on the complexities of collaboration and resistance in wartime France is extensive and deflates the myth about the general participation of the French in resistance movements. For example, Jackson, Julian. France: the dark years, 1940-1944. Oxford UK; New York: Oxford University Press, 2001. (In English) Contemporary France has rightist movements that reject the legacy of the French Revolution. The royalist movement Action Francaise (French Action), founded in 1899, is the oldest monarchist organization in Europe <https://www.actionfrancaise.net/> (In French) A more elitist hostile relationship toward the French Revolution and its values is taken by the «New Right», a network emerging in the 1960s of individuals, institutes, and circles. The main institute of the New Right is the Group for Research and Investigation in European Revolution. Groupement de recherche et d'études pour la civilisation européenne <http://grece-fr.com/> (In French) The institute's director Alain de Benoist has his own network of admirers. Les amis de Alain de Benoist [The friends of Alain de Benoist] <http://www.alaindebenoist.com/> (In French).
6. Israel, Jonathan. Revolutionary ideas: an intellectual history of the French Revolution from the Rights of Man to Robespierre. Princeton NJ: Princeton University Press, 2014, p. 221. (In English). Israel's other works emphasize that the ideas of the Enlightenment played the key role in the formation of revolutionary mentalities among the educated classes. Israel, Jonathan. Radical enlightenment: philosophy and the making of modernity, 1650-1750. London; New York: Oxford University Press, 2001. (In English) Israel, Jonathan. Enlightenment contested: philosophy, modernity, and the emancipation of man, 1670-1752. London; New York: Oxford University Press, 2006. (In English) Israel, Jonathan. Democratic enlightenment: philosophy, revolution, and human rights 1750-1790. New York: Oxford University Press, 2011. (In English) In his latest work, Israel argued that the American Revolution (the war of independence) ignited a wave of revolutions in Europe, Latin America, and other parts of the world between 1775 and 1848. Israel, Jonathan. The expanding blaze: how the American Revolution ignited the world, 1775-1848. Princeton NJ: Princeton University Press, 2017 (In English).
7. Talmon, J.L. The origins of totalitarian democracy. London: Secker & Warburg, 1955. (In English)
8. Declaration of the Rights of Man, Article 3 (in English). http://avalon.law.yale.edu/18th_century/rightsof.asp.
9. *The major works of Robert Palmer and Jacques Godechot about the age of the democratic revolution include:* Godechot, Jacques Leon. La grande nation: l'expansion revolutionnaire de la France dans le monde, 1789-1799. [The great nation: the revolutionary expansion of France in the world, 1789-1799] 2e ed. Paris: Aubier Moutaigne, 1983. (In French). Godechot, Jacques Leon. Les revolutions (1770-1799). {The revolutions 1770-1799} Paris: Presses universitaires de France, 1970. (In French) Godechot, Jacques Leon. The counter-revolution: doctrine and action, 1789-1804. Translated from the French by Salvator Attanasio. New York: H. Fertig, 1971. (In English) Palmer, R. R. The age of the democratic revolution; a political history of Europe and America. 2 vol. Princeton NJ: Princeton University Press, 1959-1964. (In English) The comparative approach to studying the European revolutions of 1848-1849 has never generated controversy. See: Dowe D. (ed.). Europe in 1848: revolution and reform. Translated by D. Higgins. New York: Berghahn Books, 2000. (In English); Rapport M. 1848: year of revolution. New York: Basic Books, 2009. (In English); Revolycii Революции 1848-1849 гггг. 2 тома. [The revolutions of 1848-1849, Two

- volumes] Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk, 1952. [In Russian]; Sperber J. The European revolutions, 1848-1851. New York: Cambridge University Press, 2005. [In English]
10. McPhee, Peter. Rethinking the French Revolution and the «Global Crisis» of the of the Late-Eighteenth Century. News and Papers from the George Rude Seminar. French History and Civilization, Vol. 6, 2015. Pp. 56-64, 64 (In English). <https://h-france.net/rude/wp-content/uploads/2017/08/McPheeVol6.pdf>.
 11. Sieyes, Emmanuel-Joseph. What is the Third Estate? (1789) (In English). <http://pages.uoregon.edu/dluebke/301ModernEurope/Sieyes3dEstate.pdf>
 12. Cochin, Augustin. Les societies de pensee et la democratie modern [The societies of thought and modern democracy]. P. 5 (In French)
 13. Vehi: sbornik statej o russoj intelligencii [Signposts: a collection of articles about the Russian intelligentsiya. Moscow, 1909 (In Russian). Available in electronic format: <http://www.vehi.net/vehi/>.
 14. Declaration of the Rights of Man, Preamble (in English). http://avalon.law.yale.edu/18th_century/rightsof.asp.
 15. Schama, Simon. Citizens: a chronicle of the French Revolution. New York: Knopf, 1989 (In English). P. 423.
 16. Ibid. P. 439.
 17. Constitution de 1791, [Constitution of 1791], Preamble (In French). <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/la-constitution/les-constitutions-de-la-france/constitution-de-1791.5082.html>.
 18. The American historian D.M.G. Sutherland describes in great detail the mass anti-revolutionary and counter-revolutionary movements in the first years of the revolution. Sutherland, D.M.G. The French revolution and Empire: the quest for a civic order. Malden MA; Oxford: Blackwell Pub., 2003. (In English).
 19. Tackett, Timothy. The coming of the terror in the French Revolution. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2015 (In English). Pp. 432-434.
 20. Andress, David. The terror: civil war in the French Revolution. London: Little, Brown, 2005 (In English). P. 46.
 21. Ibid. P. 224.
 22. Khalilov T.A. Politicheskij porjadok i problema ideologii [Political Order and the Problem of Ideology]. Politicheskaja konceptologija. Zhurnal metadisciplinarnyh issledovanij = Political Conceptology. Journal of Metadisciplinary Research. Rostov-on-Don. 2017. No. 3. Pp. 247-256. (In Russian).
 23. Doyle, William. The Oxford history of the French Revolution. 2nd ed. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002. (In English). P. 224.
 24. Kaplan, Steven L. The Famine Plot Persuasion in Eighteenth-Century France. Transactions of the American Philosophical Society. Vol. 72, No. 3 (1982). Pp. 1-79. (In English)
 25. Lefebvre, Georges. The Great Fear of 1789; rural panic in revolutionary France. Introd. by George Rudé. Translated from the French by Joan White. New York: Basic Books, 1973. (In English).
 26. Schama. P. 435 (In English).
 27. Sutherland. P. 159 (In English).
 28. Barruel's four-volume work about Jacobinism, published in 1797-1798 is available in electronic form. Barruel A.A. Memoirs Illustrating the History of Jacobinism. Access Mode: <https://archive.org/search.php?query=barruel%20jacobinism>. (In English).
 29. Many eschatological texts from canonical and noncanonical Biblical books are available in electronic format. Russkaya apokrificheskaya studiia [Russian apocryphal studies]. <http://apokrif.fullweb.ru/>. (In Russian). Early Jewish Writings <http://www.earlyjewishwritings.com>. (In English). Early Christian Writings. <http://www.earlychristianwritings.com>. [In English]. Gnosis Society Library. <http://www.gnosis.org/library.html>. (In English). For information about the origin and development of eschatology, see: Cohn, Norman Rufus. The pursuit of the millennium: revolutionary millenarians and mystical anarchists of the Middle Ages. Rev. and expanded edition. New York: Oxford University Press, 1970 (In English) Collins, John Joseph, Bernard McGinn, and Stephen J. Stein. (eds.). The encyclopedia of apocalypticism. 3 vol. New York: Continuum, 1998 (In English) Goldish, Matt. (ed.). Millenarianism and messianism in early modern European culture. 4 vol.

- Dordrecht; Boston: Kluwer, 2001(In English); Pagels, Elaine. The origin of Satan. New York: Vintage Books, 1996. (In English). Marxist historians, including Soviet historians, described mass eschatological movements of the Middle Ages as anti-feudal movements in religious guise because the Church had sanctified the feudal order. See, for example: Kautsky, Karl. Communism in Central Europe at the time of the Reformation. 1897.
<https://www.marxists.org/archive/kautsky/1897/europe/index.htm>. (In English). The contemporary Russian nationalist Igor Shafarevich described these movements as forerunners of contemporary socialism because they supported the destruction of private property, religion, the family, political and social inequality, and the individual personality. Shafarevich, I.R. Socializm kak yavlenie mirovoj istorii. Moscow: ESKMO, Algoritm, 2003 (In Russian). Religious eschatological movements also took place during the French Revolution. Note that religious variations of eschatology lasted longer in Russia than in Europe. Millions of Christians, especially Old Believers and sectarians, Jews and Muslims firmly believed in the coming end of the world and the coming of a savior. However, only in times of mass upheavals, especially in the Russian Revolution and Civil War, can one observe the strivings of believers to speed up the end of the world. Adherents of ideological eschatology from the entire political spectrum often consciously wanted to speed up the end of a hateful system.
30. Averincev, I. I. Satana [Satan]. Mify narodov mira: encikplodiya [Myths of the peoples of the world: an encyclopedia. 2 volumes. Moscow: Nauchnoe izdatel'stvo «Bol'shaya rossijskaya enciklopediya», 1998. (In Russian).
31. Pagels, Elaine. The origin of Satan. New York: Random House, 1995 (In English) P. xviii.
32. Ibid. P. 51.
33. Ibid. P. 49.
34. Schama. Pp. 439, 475.
35. For information about the past and present status of the French language, dialects of French, and languages of ethnic minorities, see: Leclerc, Jacques. Histoire de la langue francaise [History of the French Language] (In French); <http://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/histlngfrn.htm>; France, Ministere de la Culture. Langue francais et langues de France [France, Ministry of Culture. French language and languages of France]. (In French).
<http://www.culture.gouv.fr/Thematiques/Langue-francaise-et-langues-de-France>.
36. Bell, David A. Lingua Populi, Lingua Dei [The Voice of the People, The Voice of God]: Language, Religion and the Origins of French Revolutionary Nationalism. The American Historical Review, Vol. 100 (Dec., 1995). Pp. 1403-1437, 1425-1430. (In English).
37. Ibid. P. 1419.
38. Ibid. P. 1420.
39. Barere de Vieuzac, Bertrand. Rapport du Comite de salut public sur les idiomes. [Report of the Committee of Public Safety on languages and idioms]. (In French).
<http://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/barere-rapport.htm>.
40. Ibid.
41. Ibid.
42. Ibid.
43. Gregoire, Henri Jean-Baptiste. Rapport sur la necessite et les moyens d'aneantir les patois et d'universaliser la langue francaise. [Report on the necessity and means to exterminate patois and to universalize the French language]. (In French)
<http://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/gregoire-rapport.htm>.
44. Ibid.
45. Ibid.
46. La Revolution francaise: la langue nationale (1789-1870) [The French Revolution: the national language (1789-1870)]. (In French).
[http://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/HIST_FR_s8_Revolution1789.htm#2_Le_guerre_aux_%C2%ABpatois%C2%BB_sous_la_R%C3%A9volution_\(1789-1799\).](http://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/HIST_FR_s8_Revolution1789.htm#2_Le_guerre_aux_%C2%ABpatois%C2%BB_sous_la_R%C3%A9volution_(1789-1799).)
47. Stepanov S.A. Chernaya sotnya: chto oni sdelali dlya velichiya Rossii [The Black Hundreds: what they did for the glorification of Russia]. Moscow: Yauza-Press, 2013. P. 50. (In Russian).
48. As the Fundamental State Laws proclaimed «The Russian language is the common state language and is obligatory in the army, fleet and all government and public establishments. The use of local languages and dialects is determined by special laws». 23 aprelya 1906 g. Vysochajshe utver-

zhdennye Osnovnye Gosudarstvennye Zakony [Fundamental State Laws approved by the Emperor, April 23 1906. <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/apr1906.htm>. (In Russian).

Информация об авторе:

Рокки Тони, магистр исторических наук, магистр библиотековедения, научный сотрудник библиотеки, Справочная библиотека Торонто, г. Торонто, Канада
tony.rocchi@gmail.com

Получена: 03.07.2018

Для цитирования: Рокки Т. Революция справа: Российское черносотенство и его место в истории общеевропейских крайне правых партий и движений. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 4 -2. с.13-34.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-13-34.

Information about the author:

Tony Rocchi, Master of Arts (History), Master of Library and Information Science, Librarian, Toronto Reference Library, Toronto, Canada
tony.rocchi@gmail.com

Received: 03.07.2018

For citation: Rocchi T. Revolution from the right: the Russian black hundreds movement and its place in the history of european far right parties and movements. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 4 -2. Pp. 13-34.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-13-34. (in Russ)